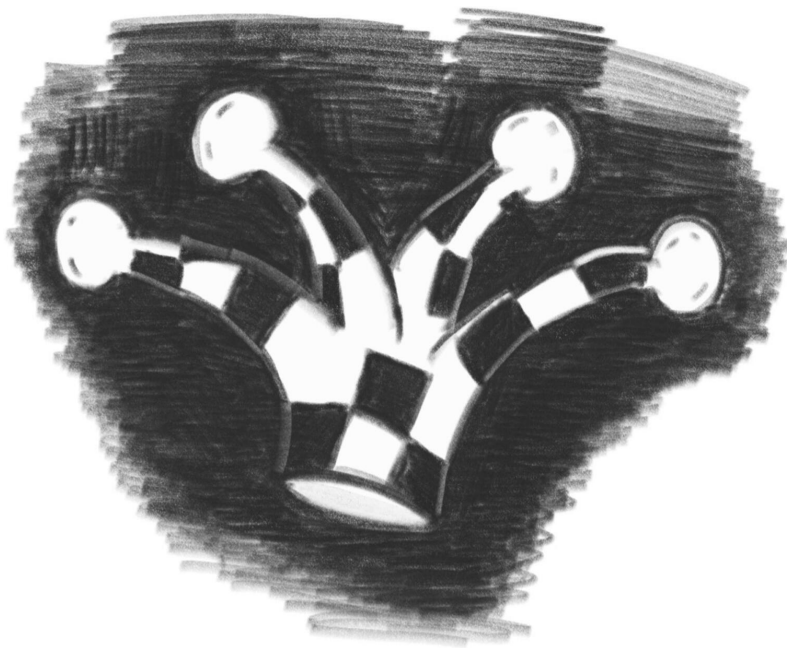

*Достойная вежливость
по разумной цене*

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Алекс Юган

18+

Алекс Югэн
Достойная вечность
по разумной цене

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70062982

SelfPub; 2023

Аннотация

Представьте себе ситуацию: просыпаетесь вы на том свете, в одном купе со Смертью, в поезде, следующем в один конец. Но моё время ещё не пришло, кричите вы, это какая-то ошибка! Ой, говорят они, и правда, ошибочка вышла. Не того взяли... И высаживают вас из поезда. На полпути.

Алекс Югэн

Достойная вечность по разумной цене

Как-то раз я украл чужую смерть. И вот как это произошло.

Была пятница, и была стипендия, невесть какая, но всё же. И я зашёл по этому поводу в «Пятёрочку». Нагрёб самого дешёвого, самого паршивого пива, забил весь рюкзак и отчалил на свежий воздух.

С неба валился мокрый снег, только касался асфальта и тут же таял, оставляя одну сплошную хлюпкую лужу.

Пш-ш-ш, вкрадчиво прошептала первая банка.

Если идти до метро по Новогиреевской и по Зелёному, то это тринадцать минут, я засекал. Но через подворотни можно и за десять.

На лавочке у косой хрущёвки (25 корпус 5) развалилось тело в шерстяном пальто, лежало и разило сложной смесью коньяков и вин. Под телом была лужа, тело пребывало в глубочайшей отключке и с присвистом сопело через огромный южный нос. На асфальте метрах в двух к северу лежал кожаный бумажник, раскрытый и выпотрошенный.

Вы знаете, вообще-то обирать пьяных не в моих правилах – я решил только проверить. Так и есть, ничего не осталось!

Обидно. И совесть преступил и без прибытка.

Тут я заметил: на спинке лавочки прямо над южанином, как ворон на кладбищенской ограде, угнездилась миниатюрная статуэтка, сантиметров семи-восьми, не больше. Трудно доподлинно сказать, что я думал в тот момент и чем я думал, но фигурку я себе присвоил. Сунул в карман и был таков. Вот с этого-то всё и началось.

Рассмотрел я её только в метро. Арлекина. Не нуарная Харли Квин, а именно классическая Арлекина, фигуристая и разухабистая, отлично проработанная, почти живая. Удивительная детализация, если вдуматься. Лоскутная курточка, стежки совсем микроскопические, маска эта из комедии дель арте, штанишки в облипку, сафьяновые полусапожки цвета бури в пустыне. Даже бубенцы, не больше пылинки, но уже с серебряным перезвоном.

– Вот! – сказал я Тане, когда мы встретились на Александровском саду, а внутри меня уже плескалось три по 0.5. – Военный трофей! Стобит, наверное...

– Наверное, стоит... – не впечатлилась совестливая Таня.

– Что?

– Не знаю. Почему тогда её не взяли? Может, и тебе не стоило?

Я пожал плечами. Мне было всё равно. Мы стояли на Красной Площади у Вечного Огня и смотрели на часового. От стен Кремля веяло историей и величественным безразличием, часовой тоже делал вид, что ему всё равно.

– А я знаю! Им шевелиться нельзя.

– М-м-м?..

– Ага! Прямо совсем.

– Да не, фигня какая-то. Так не бывает. А если ноги затекли?

Мы забились на щелбан и посмотрели ещё немного. Подморозило. С чёрного неба тихо и торжественно падал снег, падал строго вниз и поглощал все звуки на своём пути. Асфальт теперь устилал ровный белый покров, древние стены Кремля тоже начинали белеть. Часовой не моргал и, кажется, даже не дышал. По крайней мере, пар от него не поднимался.

– А он точно живой? Может, макет?

– Смотри, снег на бровях не тает!

– Правда не тает...

– А ещё бывает такой синдром запертого человека, когда ты всё осознаёшь, но не можешь ни пошевелиться, ни моргнуть. Представляешь, если его сейчас разбило, а он и сказать не может. И так до пересменки.

– И ноги затекли...

Бр-р-р! Я помотал головой, заранее уже чувствуя, как набрякает в подсознании ночной кошмар.

В ту ночь мы отмахали целый марш-бросок, через Большой Москворецкий мост на Раушскую набережную, по Раушской на Космодамианскую, на Дербенёвскую набережную, потом на Павелецкую, на Даниловскую, на Новодани-

ловскую... Москва-река всё время оставалась слева, холод с её мутных вод передавался и мне, так что левая половина у меня вконец заледенела. А справа через дорогу – выпедрёжные заведения, потом запустелые выпендрёжные заведения с немытыми слепыми окнами, потом просто полуруины со свежими табличками «Памятник древности, охраняется государством», потом заборы – бетонные, жестяные, маслом крашенные, осыпающиеся, все в чёрной копоти испарений города. Достоевский был бы доволен. А снег всё шёл и шёл, и мы зачем-то шли, оставляя за собой две чёрных цепочки следов.

Перед поворотом на Новоданиловский проезд есть спуск к воде, семь грубых гранитных ступеней вниз, последняя вся в иле. Мы встали на четвёртой с конца и достали ещё по одной жестяной гранате. Пш-ш-ш, синхронно сказали гранаты, лишившись чеки.

Я нагнулся и поставил Арлекину на серый гранит между нами. Так что она, как и мы, смотрела на ленивое масляное течение столичного стикса. Стояла избоченясь, игриво поводя крутым бедром.

Она мне не нравится, сказала Таня, оставь ты её тут.

Я помотал хмельной головой, посмотрел на Арлекину, потом на Таню. Смысл доходил как-то с трудом. Как это оставь тут? Во-первых, цацка-то ничего и вполне себе, а во-вторых... я потерял мысль и принялся плямкать губой. А во-вторых... в голове, как мокрое бельё на ветру, болтались ка-

кие-то жалкие обрывки крылатых фраз, абсолютно не способные к убедительной аргументации. Dos cervezas... más barata... y ergo bibamus. Dixi!

Тут я опустил взгляд на Арлекину и не нашёл её на прежнем месте. Её там просто не было.

– Выбросила? – обиженно спросил я.

– Спрятал? – одновременно со мной возмутилась Таня.

Наверное, пей мы не пиво, а допустим, водку с ред-булом, то, пожалуй, дошло бы и до ссоры с дракой. Но пиво – напиток умиротворяющий. И мы вместо этого просто дошли до Таниного дома, упали в благословенную огромную и тёплую постель. И даже наши соседи по коммуналке (канючил ребёнок, препирались на фене мужские голоса и при всём при этом ритмично и недвусмысленно скрипела койка) не смогли помешать нам провалиться в сладостную пьяную кому.

Я разлепил глаза. Тускло светила лампочка, за стенкой храпели. Мерно стучали чугунные колёса, пахло толем и прогорклым казённым бельём. С моего места мне были видны низ раскладного стола, какие бывают в купе железнодорожных вагонов, а под столом – чьи-то ножки в разноцветном трико и с нашитыми бубенцами.

Я тихонько ушипнул себя. Не помогло. Я ущипнул сильнее. Вагон качнуло, я ударился макушкой о стенку, коротко блякнул.

– М-м-м, проснулся? – спросила обладательница ножек.

Я приподнялся на локте и осторожно выглянул из-за сво-

его бруствера – Арлекина приснула. Верхние пуговицы её курточки были кокетливо расстёгнуты, так что получалось подобие декольте. Головку её всё так же венчал шутовской колпак, игривая маска закрывала всё лицо выше тонких своевольных губ.

На столе лежали засаленные карты и скипетр с крысиной головой. Карты были розданы на двоих, козырь – пики (туз), и я машинально взял ближнюю к себе кучку. Буби, черви, крести, всё шестёрки да семёрки. Дрянь.

Арлекина не таясь наблюдала за мной, строила янтарные глазки.

Стук тяжёлых колёс становился всё реже и реже. Поезд тормозил. За окном то ли смеркалось, то ли светало, шёл дождь и тянулось бесконечное серое поле. Я вопросительно посмотрел на Арлекину.

– А. Ну это просто. Ты на том свете, – она кивнула головой куда-то себе за спину и набок. Я скосил глаза примерно в том же направлении и увидел в углу у двери косу с заржавленным лезвием. Двухметровое косовище казалось невероятно древним, едва ли не рассыпающимся, дерево было выбелено и выщерблено, как будто плавало по морям не один год.

Объявили остановку, остановка называлась «Отдых» или что-то в этом роде. Поезд пронзительно заскрипел всеми тормозами сразу, мелко задрезжал и, наконец, остановился. Арлекина легко поднялась на ноги.

– Вставай, Юханнан, пойдём. В последний путь.

– Шла бы ты сама... – предложил я, не уточняя куда. Что-бы не грубить.

Арлекина секунд десять смотрела на меня и одновременно как бы сквозь меня. Причём правый её глаз потускнел и потемнел, чуть ли не почернел, подёрнулся мёртвой плёнкой и производил теперь совершенно жуткое впечатление.

– Что?

– Сама иди, говорю. И вообще я не Юханнан, – и предъявил ей студенческий билет с фотографией и печатью на поллица.

Арлекина, кажется, даже обрадовалась.

– Ну и дела! Как интересно получилось! То есть Юханнан где-то там гуляет, живой-здоровый, а ты, значит... гхм! Да-а, такого со мной ещё не было!

Всё это конечно хорошо, а со мной-то что теперь будет, непраздно поинтересовался я.

– Понятия не имею. Говорю же, в первый раз такое. Кстати, ты сам-то как – не собирался случайно помирать в ближайшее время? Самоубийство там, несчастный случай, etc.?

Я энергично помотал головой. Не собирался. Ни в ближайшее, ни вообще.

– Ага... Ладно. Тогда посиди пока тут, я к начальнику поезда схожу, – и она хохотнула, словно это была какая-то очень удачная шутка. Уже вышла за дверь, потом просунула голову обратно и строго добавила:

– Косу не трожь! Убью! – и снова заржала, засранка.

Было слышно, как, уже уходя прочь, она затынула про себя на какой-то варварский мотив: «Ходит покойничек по кругу, ищет покойничек мертвее себя...»

Ну, это мы ещё посмотрим!

Я остался один и тут же закрылся изнутри. Ладно, что тут у нас? Мною овладела безудержная жажда действия, граничащая с умопомешательством. Надо что-то делать! НАДО ЧТО-ТО ДЕЛАТЬ!!!

В животе было пусто, как в чёрной дыре – я принялся рыться в сумке, судя по всему, Арлекининой. Сумка была потрёпанная, мужская, добротной рыжей кожи и с цветастым гитарным ремнём, чтобы носить через плечо. Внутри обнаружили палка салями, чёрствый нарезной батон и кусок сыра с запахом невымытых ног. Бутылка зелёного стекла с ивовым плетением и чем-то густым и тёмным внутри. Стоп! Помнится, я об этом где-то читал. Если ты по ошибке попал на тот свет, ни в коем случае нельзя ничего есть, особенно из загробной еды. Ладно. Дальше. Мысли путались.

СОБЕРИСЬ!

Так, а может, через форточку сбежать? Засаленное и засиженное мухами, окно срослось в единый ископаемый конгломерат, всё прижавело, спрессовалось и склеилось. Так что этот вариант отпал сам собой, я не смог даже стронуть его, какое там открыть. Чёрт! ЧЁРТ-ЧЁРТ-ЧЁРТ! Мой взгляд лихорадочно метался по купе. Так, ладно, ладно. А что если отомкнуть обратно замок, типа я ничего и не закрывал, по-

том спрятаться вот тут, и когда она зайдёт – косою по шее? А? Я примерился к косе. В руках она лежала хорошо, идеально, как будто была сделана специально под меня. Захотелось убивать. Резать, калечить, кромсать мясо и дробить кости. Снести им всем головы, показать им, что такое настоящий пацифист!

Я так размечтался, что не сразу заметил: лезвие слетело с косовища и воткнулось в пол. Я тупо уставился на бесполезную деревяшку. Вот и повоевали.

За дверью послышались шаги, потом начальственный голос недовольно спросил:

– Н-ну?

– Он тут, – виновато отвечал голос Арлекины, – и вот...

– Так. И он – это точно не он?

– Точно не он! Он не послушался зова, понимаете? Никто не может сопротивляться, если уж его час настал!..

– Так, – строго прервал начальственный голос. – Ты понимаешь, чем это может закончиться?

Арлекина что-то мямлила, храбрилась, снова мямлила, цитировала какие-то параграфы из должностных инструкций, пункты, подпункты... и вообще она ни при чём, она просто чёрная метка, кому её всучили, тому и... у кого она, того она и...

– Значит так, – процедил голос. – То, что случилось – это трибунал и расстрел. Исправляй, пока до *Самого* не дошло. А как ты это сделаешь, меня не волнует. Всё, выметайтесь

– оба!

В следующий момент я ощутил мощнейший пинок под зад; купе, вагон и вообще всё вокруг куда-то пропало; а я с размаху впечатался во что-то белое, как снег, и твёрдое, как чёртов кирпич!

Бумага, с удивлением понял я. Это был огромный, во все стороны света лист белой писчей бумаги – размером с целый мир. И ничего больше: ни перспективы, ни верха или низа. Просто лист.

Арлекина сидела там же рядом, охала и растирала задницу. Что-то мне подсказало, что её эвакуировали из поезда ровно тем же способом. С помощью ноги.

– Разжалована, – горестно констатировала Арлекина. – Снова уязвима – бедная моя жопа! – и смертная.

– Уй, какая жаль, мадам!

– А ты бы тут не особо! Знаешь, что с тобой теперь будет?

– Не знаю, – насторожился я. – А что?

Она пожала плечами и достала из-под куртки плоскую серебряную фляжку.

– Вот и я не знаю. Вариантов, знаешь ли, великое множество, – выверенным щелчком ногтя она отвинтила крышечку и приложилась к содержимому. – КХ! КХ! Строго говоря, ты здесь – как частица антиматерии. Нельзя тебе тут быть. Либо ты, либо мы.

– Что – либо я, либо вы?

– Либо ты, – Арлекина снова запрокинула голову, – либо

ты уже сдохнешь до конца и аннигилируешься, либо всё тут вокруг.

– Не очень-то густо, – сказал я, окинув взглядом это самое вокруг. – А ещё есть варианты? Без взаимных аннигиляций?

– Типа что ты проснёшься и посчитаешь всё это дурным сном? Ну да, почему бы и нет. Или что я проснусь, а ты окажешься просто моим сном, – она встала, встряхнулась и махнула рукой куда-то на север (так мне показалось, хотя почему?). – Пошли. Повезёт – засветло доберёмся.

– Докуда?

– До Цыгана, – ответила Арлекина. – Который смерть перехитрил.

– И чё он тут делает, раз перехитрил? – не понял я.

– Бизнес делает, что ж ещё, – буркнула она и помрачнела. – Пускает на постой за большие деньги, – и дальше без переходов:

– Свалился на мою голову, идиот несчастный...

Я пожал плечами и больше не испытывал её терпение. Вообще, настроение у Арлекины менялось по каким-то непонятным для меня законам. То из неё пёрло энтузиазмом и дружелюбием, то уже в следующую минуту она становилась чернее тучи и принималась отчаянно хамить, как если бы я специально наступил на её любимую мозоль.

Часа три мы тупо шли, шаг за шагом переставляли ноги в этом белом пространстве без направления и перспективы. И не было никакой цели, не было смысла, я даже не уверен,

что мы вообще хоть куда-то двигались, а не стояли на месте. Время от времени на периферии бокового зрения я видел какой-то город, точнее, контуры города, намеченные на бумаге простым карандашом: дома, проносящиеся машины, редких пешеходов... но стоило только повернуть голову и попытаться рассмотреть эти наброски как следует, как всё исчезало и оставалось только абсолютное белое.

Потом я вдруг понял, что всё просто напрочь занесло снегом, что я просто до сих пор тащусь вдоль Москвы-реки, и это уже на моих бровях никак не хочет таять снег.

– Ты что это? – спросила Таня. – На тебе лица нет!

Я тупо кивнул, выпил залпом целую банку и только потом решился рассказать ей свой сон наяву.

– Так. Выкинь её, – велела Таня. – Выкинь прямо сейчас!

Я достал из кармана фигурку Арлекины. Стоит, небось... Ювелирная же работа. И такая детализация!..

– Жалко выкидывать. Может, лучше завтра пойдём в ломбард сдадим? Сразу с утра и сдадим. А?

– В ломбард? – с сомнением повторила Таня. Было видно, что ей хочется избавиться от Арлекины как можно быстрее.

– Бабок поднимем, – поднажал я. – Бабок-то нам не лишнее? Тебе ж до зарплаты ещё две недели!

– Ну не знаю...

– Зато я знаю! Я таких кукол в Охотном ряду видел, они под полтос стоят! Может, у неё и проба где-то есть.

Я включил фонарик на своей древней «Нокии» и обсле-

довал потайные места Арлекины на предмет проб или хотя бы бирок с названием фирмы. Не судите меня строго, как говорится, хмельной ум вполовину трезвого.

– Ладно, – сдалась Таня, устав от спора. – Может, сколько-то и дадут.

На том и порешили.

Когда мы пришли к ней домой, в коммуналку, в комнате соседей было тихо и мертво. Часы показывали пять-тридцать утра. Странно, а в моём сне было без чего-то два, сонно отметил я, проваливаясь в сон.

Арлекина сидела в позе лотоса и неотрывно смотрела на меня.

– Очухался, покойничек, – хмуро констатировала она, лишь только я открыл глаза.

Подходящих случаю слов у меня не нашлось. Но спектр моих эмоций вы вполне можете себе представить.

– А ты что себе думал, там проснёшься – и в домике? – прочитала она мои мысли. – Хрена с два.

– Но ты же говорила...

– Ну, когда твоё тело осталось тут, я поняла, что это не сработает.

– То есть я оставался тут?

– Угу. Кстати, Первый от тебя уже отъел, – она посмотрела на меня и значительно добавила:

– Первый из Сорока́.

Я хотел спросить, о каких-таких Сорока́ она говорит, но

потом передумал. Кажется, я и сам догадывался о чём речь. По крайней мере, ассоциация с сорока днями после смерти была абсолютно чёткая. И первый от меня уже отъел...

– Угу. Так что даже если ты вернёшься домой – в чём я теперь сильно сомневаюсь – то вернёшься не полностью.

Она приложилась к своей фляжке.

– Зато если уж вернёшься...

– Что?

– Ну... честно говоря, тогда всё будет ещё непонятней, – она принялась загибать пальцы. – Если Первый от тебя уже откусил, то одной сороковой части в тебе уже не хватает. Значит, в следующий раз Сорок передерутся, кому-то не хватит куска. Дальше, теория вторая: у каждого свои Сорок. Соответственно, может статься, Первый уже не захочет ещё один кусок от тебя, а Второй без Первого тоже не будет есть... не говоря о том, что твой Первый вообще может отравиться и сдохнуть, они же только мертвечиной питаются...

– То есть, если я выживу, то в следующий раз уже не умру?

– Потрясающий пример позитивного мышления, – хмыкнула Арлекина. – Ты сначала выживи, герой.

По-моему, я её уже не раздражал. По крайней мере, не так сильно, как вчера.

– Выпьешь со мной? – предложила она. – Не волнуйся, это просто «Олд Монк», ничего потустороннего.

Мы сидели и передавали друг другу фляжку, прихлёбывали обжигающий сивушный ром. Арлекина закурила, тут же

адски закашлялась и выкинула сигарету вон. Сигарета приземлилась на бумагу и прожгла её насквозь. Из дырки пахнуло жареным мясом и завиднелись красные отблески, словно от большого костра крошечной ночью.

– Никогда не думал, что буду вот так вот запросто выпивать со Смертью, – признался я.

– Не. Смерть сейчас в командировке, в жарких странах, – флегматично отозвалась Арлекина. – Там американцы какую-то жатву устраивают.

Она вылила себе в рот остатки рома и с детской обидой заглянула внутрь фляжки.

– Ладно, пошли. Думаю, нам куда-то туда, – и мы пошли.

В этот раз тащились мы намного дольше, тащились, пока вдалеке, на самой границе видимости не показался дом.

Забавное это было зрелище: посреди чистого листа бумаги – халупа в стиле «курортный кошмар». Два уродливых этажа из крупных блоков ракушечника, крашенных поверх выцветшим индиго. Кое-где стеклопакеты, кое-где разошедшиеся деревянные рамы. Крыша – шифер, жость, рубероид, в общем, с миру по нитке.

– ...с миру по идее, – вполголоса пропела Арлекина, – мертвому землицы...

На заднем дворе на спущенных шинах страдал винтажный «Шэви-Камаро», настоящий динозавр, ещё из тех времён, когда двигатель объёмом в 6 литров скромно именовали small block. Багажник был приоткрыт, из него, как из сбесив-

шейся оранжереи, рвалось наружу буйство роз. Розы, как им и полагается, были цвета артериального кровотечения. «Шэ-ви» же менял цвет в зависимости от угла зрения.

– Знакомая машинка, – прокомментировала Арлекина и заглянула внутрь багажника. – А! Так вот куда он подевался.

– Кто? – мне стало плохо. В багажнике лежал полуразложившийся труп. И колючие стебли роз тянулись из слепых глазниц его черепа. Причём, судя по размеру розовых кустов и степени разложения трупа, начинали они расти ещё из живого человека. Поправка: если можно назвать человеком обладателя нежно-голубых костей, да ещё и слабо светящихся в полумраке багажника.

– Это Ангел, – ответила Арлекина. – Самый результативный головорез столетия, убил больше, чем ты съел котлет. Но связался, понимаешь ли, с одной нежной розой, прямо как маленький принц. А она поэт, ха-ха! – тут Арлекина встала в театральную позу и продекламировала:

– В глаза твои шипы мои ворвутся,
и прорастут кустами роз они!..

Как тебе?

– Хочешь сказать, это специально... это кто-то специально такое сделал? Зачем?!

– Ну, полагаю, она его пытала. А может, и просто так, для удовольствия. Да какая разница! Если тут её тачка – ты понимаешь, что это вообще означает?!

– Нет, – честно признался я.

– Тачка не может умереть, понимаешь ты? Она железка, она и так неживая!

Я всё ещё не понимал. Честно.

– Значит, *она* – она сама приехала сюда, нашла способ добраться оттуда сюда, на тот свет! На этой своей тачке! Значит, если мы сможем завести тачку – сможем вернуться на ней в мир живых!

Я не стал влезать со своими соображениям и вопросами, вроде того, зачем кому-то вообще понадобилось добираться на тот свет. Или что дом – вот этот вот дом – он будто бы тоже неживой, и что теперь? Оказался же тут, почему бы и тачке не оказаться? В общем, неубедительно. Арлекина сердито зыркнула, словно опять прочитала все мои мысли.

– Так, ладно, умник. Иди-ка ты в гостиницу.

– ?

– Внутри этой чёртовой халупы. Узнай, что с заселением, постарайся выбить номер на двоих, но без предоплаты. Будет нам план Б, если не сможем сбежать, хотя бы не сдохнем тут. Окончательно. И самое главное: узнай, в каком номере Рыжая.

– ?

Арлекина закатила глаза.

– Рыжая. Хозяйка тачки. Подкати к ней. Попытайся уговорить добросить нас до живых. Понял? Точно понял? Тогда иди!

Я собирался поспорить, чисто из принципа, что я ей –

мальчик на побегушках, но потом передумал. В конце концов, ясно, что всё равно придётся сделать, как она говорит. Да и что я терял? Ну отошьёт меня эта Рыжая в крайнем случае, что меня не отшивали ни разу, что ли? Переживу.

Где-то неподалёку послышалась музыка. Музыка с большой буквы. Необыкновенно красивая, воздушная и щемяще-грустная. Никогда я не слышал такого чуда, только вот от этого чуда почему-то хотелось зареветь в голос. Я обошёл халупу кругом – на крыльце стоял древний патефон с медным раструбом и заводной ручкой сбоку, крутил чёрную виниловую пластинку. Я присел рядом с патефоном и закрыл глаза, уже зная наперёд, что заведу его снова и снова. Когда пластинка остановилась, я прочитал название. «Полёт» Шнитке, Берлинский симфонический оркестр. И правда полёт. На каком-нибудь биплане-этажерке, тихоходном, с матерчатыми перепончатыми крыльями, еле-еле не задевая верхушки мачтовых сосен. Внизу проплывают старые рыцарские замки, княжеские поместья, деревни со сказочными пряничными домиками... А ты смотришь сверху и понимаешь, что вся эта сказка уже давно кончилась, канула в лету и рассыпалась прахом. Сметена первыми в мире авиационными бомбами с таких же вот игрушечных бипланов-этажерок.

Прямо от дверей начиналось кладбище. Могилы, склепы, надгробные памятники – всё было, несомненно, очень дорогое, даже неприлично дорогое, словно родственники усопших жили ещё в тех дикарских временах, когда хорошим то-

ном было соревноваться в пышности похорон и когда вместе с императором закапывали всех его рабов, лошадей, лизоблюдов и т.д. Я прошёл вглубь кладбища, прочитал штук пять табличек на этих роскошных дворцах смерти. Три бывших диктатора из кровавых, остальных я не знал. Видимо, тоже сволочи. Каждый из склепов был в разб́ больше гостиницы за моей спиной, а могилы – размером с баскетбольную площадку, словно диктаторы перед смертью усиленно питались своими подданными, а потом наступали на мину и разлетались на максимально возможную площадь. Зачем иначе мертвецу такие метры?

Когда я вернулся к гостинице, патефон уже пропал, оставив меня гадать, был он на самом деле или нет.

Входная дверь была приоткрыта ровно настолько, чтобы я смог протиснуться внутрь. Если это имело хоть какой-то смысл. Да, там определённно был ресепшн: стойка регистрации, пара кресел, журнальный столик и дохлый фикус в горшке, но всё было тихо и запустело, покрыто густым слоем пыли, как в тех городках-призраках времён золотой лихорадки. «Достойная вечность за разумные деньги*», обещал плакат с сиястыми особами, томно лежащими у бассейна. *С почасовой оплатой.

Весь ресепшн помещался в комнатке четыре на четыре, достаточно задрипанной, с продавленным полом и обоями в выцветший цветочек. Разношёрстные двери с табличками: «1», «2», «3», «туалет» и «на 2 этаж». Я дзинькнул для

приличия пыльный звоночек на стойке регистрации, полистал замшелую книжку на журнальном столике («Солярис» Лема), потом отправился стучаться в номера. Первая дверь оказалась не заперта, за ней – обычная обстановка захудалой гостиницы: две железные койки с пружинными матрацами, две тумбочки, рукомоёйник... эпохальное полотно на стене, в стиле соцреализма, изображало диктатора из первого склепа, попирающего сапогом диктатора из третьего склепа. Внизу полотна копошился благодарный народ.

Во второй двери снаружи торчал ключ с номерком «3», других отличий от первой комнаты я не нашёл. Разве что обои там отставали от стен не так сильно, да диктаторы на холсте поменялись местами. Теперь попирали первого, благодарный народ внизу оставался неизменным.

На втором этаже всё то же самое, только в последнем, шестом номере стоял на двух табуретах расшитый красным бархатом гроб. От гроба тянуло гнилью, так что подходить, а тем более заглядывать внутрь я не стал. Рыжей там точно не будет, по крайней мере, в том качестве, что мне нужно.

– Так, – сказала Арлекина, когда я явился с докладом. – Жди тут. Я сейчас.

– Так, – сказала она, когда вернулась обратно. – Анекдот на злобу дня. Знаешь, что случилось с Цыганом, который перехитрил смерть?

– Что?

– Помер. В гробу лежит.

– Смешно, – сказал я уже её спине. Деятельная Арлекина за эту долю секунды успела достать из-за пазухи свой скипетр с крысиной головой, перепорхнуть к машине и лёгким изящным движением треснуть её в боковое стекло. Стекло рассыпалось мелкой крошкой. Арлекина отомкнула дверь, одним махом оторвала часть приборной панели, залезла в автомобильные недра и принялась рыться в разноцветных проводках. Всё как в фильмах про угонщиков. Стартер крутил, Арлекина материлась, и виновата у неё была и искра, которая ни шиша не схватывала, и Рыжая, у которой тачка не заводится, и Цыган, который так некстати помер, и нет у нас теперь никакого плана Б. Ну и я, из-за которого всё это вообще началось.

Батарея садилась, стартер крутил всё неохотнее. Арлекина скинула свою курточку, осталась в чёрном спортивном лифчике и в таком виде нырнула под капот. Матерные ругательства летали с частотой снарядов при артобстреле, надежда на машину таяла медленно но верно.

От нечего делать я снова обследовал гостиницу, не нашёл ровным счётом ничего нового, спустился на первый этаж и плюхнулся в кресло. Наваливалась усталость, захлёстывала, будто волнами прибой. Я обязательно придумаю, как нам спастись. Мне только нужно чуть-чуть передохнуть. Чуть-чуть. Я не заметил, как заснул —

и тут же проснулся уже в нашем мире, в комнате Таниной коммуналки.

Рассвело, день тащился к полудню, но света в комнату попадало не так уж много. Да и снаружи солнце спряталось где-то за густыми облаками, из них всё ещё валил снег.

Таня спала, за окном было бело и тихо. Мне стало тоскливо. Если Арлекина не врала, то мне осталось ещё 38 таких вот коротеньких циклов и «прыжков» между мирами, а потом – что? Всё?!

А может, это всё просто сон, услужливо подсказала надежда. Может, всё-таки, сон?

Чувствовал я себя так, словно от меня уже откусили две сороковых, одну двадцатую меня?

Да. Честно – ровно так и чувствовал. Я тут, а *они* там отрывают от меня ещё один кусок моей жизни или души или памяти. Я закусил ладонь, чтобы не завывать от ужаса. ЧЁРТОВА АРЛЕКИНА! Правильно тебя, сука, разжаловали в смертные. Сдохнешь, как и все остальные!

Как и я...

Выпить бы, залить глаза и не вспоминать ни о чём, оглушить себя, пока не чокнулся от страха. Какой вообще во всём этом смысл? Пойду-ка я до ломбарда, он у нас в соседнем доме в одном подвале с разливайкой. Не продам, так хоть на пиво сменяю. Или просто всучу первому встречному, может отвяжется от меня, наконец, эта сука с бубенцами.

Где-то на границе слышимости и фантазии заиграл Берлинский симфонический оркестр. «Полёт». Шнитке. Найдётся мне место на том роскошном кладбище?

Я принялся искать статуэтку – в рюкзаке, в карманах куртки, в Таниной сумочке – и не нашёл. Так. Будем рассуждать логически. Таня хотела избавиться от неё, но Таня всё ещё спит. Ну не могла же она в самом деле пойти и выкинуть?.. А может, и не было никакой Арлекины, может, всё-таки приснилось?

Я стоял у окна и смотрел на занесённый город, на буксующие в снежных завалах машины, на бредущих куда-то людей, на старых людей, на молодых, с детскими колясками, с какими-то несусветно огромными пакетами с важным барахлом. И, то мне казалось, что всё чушь, а то – что каждый из них уже нашёл свою Арлекину и теперь пытается сбыть её с рук или убедить себя, что ничего не было...

Пойду напьюсь, снова решил я. Нажрусь самого дешёвого, самого дрянного, последнее снесу, да хоть «Нокию» продам.

Я тихо натянул ботинки и куртку, неслышно отпер дверь и вышел прочь.

На лестничной клетке меня ждала Арлекина.

– Ничего не забыл? – спросила она.

Кажется, я глухо застонал и привалился к стене, лишь бы не упасть. Теперь уже не оставалось ни малейшей надежды, что мне это причудилось. Арлекина была в натуральную величину, в полный рост и наяву, она окончательно размыла грань между тем моим кошмаром и этим!

Нет, этого не может быть, не может, просто не может! Это не взаправду, не по-настоящему! Я НЕ ВЕРЮ, Я НЕ ХОЧУ

ВЕРИТЬ!!!

Арлекина склонила голову и задумчиво изучала меня то одним глазом, то другим.

– Знаешь, а это ведь не так сложно – открыть рот и крикнуть «спасибо». «Спасибо, Кина». А? Намного проще, чем завести этот чёртов рыдван и затащить в него твою дурацкую тушу, как думаешь?

– Так мы?.. то есть я?.. я – вернулся?! А как ты?..

– Вот и вся благодарность, – вздохнула она. – На, возьми на память, – и протянула мне свой шутовской колпак с бубенцами. – Из нас двоих тебе он пойдёт намного больше.

Она легко сбежала по гулким ступеням, пропищала кодовая дверь, за окном взревел мощный мотор. А я всё стоял и сжимал в руке разноцветный шутовской колпак с серебряным перезвоном. И на весь подъезд гремел Шнитке в исполнении Берлинского симфонического оркестра.